

На правах рукописи

Андреева Елена Анатольевна

**МЕНТАЛЬНОСТЬ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Томск 2009

Работа выполнена на кафедре истории и документоведения
ГОУ ВПО «Томский государственный университет»

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Куперт Юрий Васильевич

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Бойко Владимир Петрович
кандидат исторических наук, доцент
Иванова Маргарита Викторовна

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Алтайский государственный университет»

Защита состоится 5 июня 2009 г. в 15.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.267.03 при ГОУ ВПО «Томский государственный университет» по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, ауд. 41.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ГОУ ВПО «Томский государственный университет» по адресу: г. Томск, пр. Ленина, 34 а.

Автореферат разослан «25» апреля 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор исторических наук,
профессор

О.А. Харусь

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность и научная значимость исследования. Интерес к ментальности сибирских горожан конца XIX – начала XX в. обусловлен спецификой сибирской действительности означенного времени. Сибирь вступала в индустриальный этап развития, повлекший за собой перестройку фундаментальных общественных структур. Причем значительные трансформации происходили за короткий срок. Ситуация усугублялась социально-политическими катаклизмами, ситуацией гражданского противостояния. На глазах современников и, очевидно, в их душах разыгрывалась драма столкновения старого и нового, происходила переоценка ценностей. Изучение ментальности в кризисную, переломную эпоху представляет интерес для понимания «кодов» отечественной и региональной ментальности, механизмов ее трансформации.

Тематика диссертации отвечает задачам развития современной исторической науки, характеризующейся антропологической ориентированностью, и потребностям самопознания российского общества, переживающего очередной модернизационный переход.

Хронологическими границами исследования являются середина 1890-х гг., когда началось строительство транссибирского железнодорожного пути, и время накануне Февральской революции, продвинувшей Россию на новый виток исторического развития.

Территориальные рамки. Исследование сосредоточено в границах административных субъектов Западной Сибири рассматриваемого времени – Тобольской, Томской губерний, Омского уезда Акмолинской области, – что предопределено объектом исследования.

Объектом исследования является история городского населения Западной Сибири в условиях модернизации конца XIX – начала XX в., а именно – социумов наиболее значительных городских центров Западной Сибири, поскольку именно они оказались на острие многих процессов в крае, чреватых ситуацией «брожения умов» и, при имеющихся различиях, обладают сходными региональными и социокультурными чертами. В этот перечень вошли Омск, Томск, Барнаул, Тюмень, Тобольск и Новониколаевск.

Предметом исследования является ментальность западносибирских горожан конца XIX – начала XX в. и ее развитие в означенных условиях.

В виду разноречий, существующих в научной среде, необходимо определить стержневое для работы понятие. Под ментальностью обычно понимают способы видения мира, представления людей, принадлежащих к той или иной социокультурной, этнической общности, их «матрицы восприятия», «культур-

ные коды», социально-психологические установки, автоматизмы и привычки сознания. Она имеет отношение к духовным ценностям данной общности, отражается на поведении людей, знаковых системах культуры, в идеях и верованиях; включает в себя неосознаваемые носителями данной ментальности элементы.

Из «перечисляющего» определения ментальности, распространенного в литературе, диссертантом выделено два ключевых элемента – установка и мировоззрение. Понятие установки обозначает благоприятную или неблагоприятную оценочную реакцию на что-либо или кого-либо, которая выражается в мнениях, чувствах и целенаправленном поведении. С установкой соединены привычки, автоматизмы восприятия. Она имеет тесную связь с поведением, убеждением, эмоциями. Установку можно рассматривать как «единицу измерения» и описания менталитета. От мировоззрения (мировидения) к ментальности перешли системность, взаимозависимость составляющих единое целое компонентов. Ментальность можно рассматривать как иерархическую систему установок, ценностно-ориентированную, устремленную на некие идеальные состояния общества, индивида и образующую в совокупности картину мира.

Предлагаемая концепция ментальности согласуется с известной схемой ритмов исторического времени, предложенной французской школой «Анналов», в частности Ж. Дюби. Французский историк выделяет четыре типа структур ментальности, изменяющихся с разной скоростью: от почти неподвижных, связанных с биологическими свойствами человека, до быстротечных, являющихся резонансом на конкретные события. Сходной позиции придерживаются некоторые отечественные обществоведы (А.А. Вилков, О.С. Поршнева и др.), различающие в ментальности кратковременные и долговременные структуры. В предпринимаемом исследовании, рассматривающем как бы через увеличительное стекло сравнительно небольшой отрезок времени, в поле зрения неизбежно оказались и долговременные ментальные структуры, и более подвижные. Потому в диссертации имеется в виду широкое толкование термина, вбирающее в себя не только многовековые, традиционные установки общественного сознания, но и менее длительные.

Цель и задачи исследования. Целью данной работы, исходя из вышесказанного, является исторический и социокультурный анализ особенностей ментальности сибирских горожан, определявшей их поведение и оценочные суждения в условиях происходивших в Сибири конца XIX – начала XX в. модернизационных процессов. Поставленная цель требует решения следующих основных исследовательских задач:

– исследование изменений жизненного мира сибирских горожан – перемен, связанных с модернизационными явлениями, влиявшими на поступки и образ мыслей сибиряков;

– выявление и анализ во взаимосвязи с конкретно-историческими условиями развития сибирского общества когнитивных и поведенческих установок горожан в отношении: категорий материального достатка и способов его достижения; идентификаций по признаку *свой/чужой*; идеальных моделей социальных и межличностных взаимоотношений;

– описание ментальности сибирских горожан как динамической структуры, выявление ее специфики.

Методология диссертационной работы базировалась на принципах исторического познания. Согласно принципу историзма анализ ментальности производился во взаимосвязи с конкретно-историческими условиями существования общества и его развитием. Системный принцип определил рассмотрение проявлений менталитета сибирских горожан как некий гипертекст, насыщенный социальной семантикой, со сложной системой внутренних и внешних связей. Принцип объективности был положен в основу отбора репрезентативного корпуса источников и при решении проблемы верификации толкования смыслов культурных «текстов». Ценностный подход вкупе с принципом историзма послужил отправной точкой самоотчета диссертанта в системе собственных ценностей – свойствах тех, образно говоря, исследовательских «очуляров», через которые рассматривались ментальные коды иной культуры.

Арсенал использованных методологических приемов был обусловлен спецификой предмета изучения, лежащего в междисциплинарном пространстве. Работа опиралась на общенаучные методы (абстрактный и конкретный, исторический и логический, индуктивный и дедуктивный, системно-структурный, структурно-функциональный, генетический, типологический, моделирование и др.), на собственно исторические методы исследования (историко-системный, историко-типологический, историко-сравнительный, историко-генетический, метод диахронного анализа). Были использованы исследовательские технологии: теоретическое моделирование общественных феноменов в форме конструктов, идеальных типов; вторичный анализ социологических данных; выборка; монографический метод – метод типичных отдельных случаев. Особая роль принадлежит структурно-семиотическому методу, позволяющему расшифровывать «культурные коды», благодаря анализу семантики культурных коммуникационных феноменов (текстов в широком значении слова) и рассмотрению их в качестве символических систем.

Изученность проблемы, историографический обзор. Выбранная тема исследования отличается в сибирской историографии сравнительной новизной. Ментальность сибирского населения вообще недавно стала предметом исторического изучения, также как и сам термин недавно получил прописку в отечественной историографии – с конца XX в.

Хотя в предшествующие стадии сибиреведения имелись предтечи исследований такого рода. В досоветский период публиковались очерки, посвященные характеру и нравам сибиряков (И. Завалишин, Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин и др.). В советской историографии выходили в свет труды, касающиеся вопросов «общественного сознания» зауральского населения, в которых принимались во внимание, главным образом, процессы становления классового сознания в демократических и буржуазных слоях населения дореволюционной Сибири. Однако именно в рамках советской историографии, в 1970–1980-е гг., в сибирском научном сообществе была выдвинута задача и сделаны первые шаги в сторону расширения спектра исследований в сфере субъективного в истории (М.М. Громыко, В.П. Бойко и др.).

С 1990-х гг. разработка проблем, входящих в круг ментальности, стала одной из характерных примет поворота сибирского исторического сообщества к «новой исторической науке» с ее повышенным интересом к исторической антропологии. Обозначилось несколько векторов в изучении сибирской ментальности, взаимосвязанных, но различающихся ракурсами рассмотрения предмета анализа и его масштабированием.

В некоторых работах по аналогии с философско-публицистическими размышлениями по поводу российского менталитета ведется речь о сибирском менталитете (А.И. Пальцев, А.О.Бороноев, Б.Е. Андюсев). В русле подобной генерализации проводятся перспективные исследования в рамках концепции «фронтира» и сопоставлений сибирского и американского «характеров» (И.В.Волгин, Д.Я. Резун, М.В. Шиловский, А.Д. Агеев и др.).

Второй подход можно назвать социо-стратиграфическим: проблематика ментальности, наряду с другими социокультурными характеристиками, включается в работы, посвященные истории отдельных групп сибирского населения. В последнее время сибирская историография пополнилась рядом исследований, в которых особо или наряду с прочими вопросами, рассматривались проблемы социально-психологических и социокультурных особенностей сибирского мещанства (Ю.М. Гончаров, В.С. Чутчев), крестьянства (М.К. Чуркин, М.Т. Когут, К. Скобелев), чиновничества (А.В. Ремнев, А.А. Кузнецов, Т.А. Фролова и др.), военных (А.И. Пальцев, О.В. Гефнер), интеллигенции (Е.А. Дегальцева, Г.А. Сабурова), приказчиков (Р.Д. Галиева), сибирских евреев (М.Н. Савиных, Н.Б.

Галашова, Ю.М. Гончаров и др.). В этот же социо-стратиграфический ряд можно поместить исследования, посвященные ментальности жителей малых сибирских городов, рассматриваемых как некий социальный монолит (О.А. Тяпкина). Особенно активно разрабатывалась тема менталитета зауральского предпринимательского слоя: вышло в свет несколько монографий, диссертаций, учебных пособий, в которых нашла существенное отражение ментальная проблематика (В.П. Бойко, Ю.М. Беспалова, Т.В. Копцева, В.Н. Разгон, В.А.Скубневский, А.В. Старцев, Ю.М. Гончаров и др.).

Другой подход, отчасти связанный с предыдущим, характеризуется монографичностью иного рода: внимание фиксируется на ценностных установках, поведенческих привычках сибиряков, проявляющихся в отдельных сферах жизни – в предпринимательстве (А.А. Жиров, А.К. Кириллов, А.Г. Киселев и др.), в семейной жизни и гендерной сфере (М.В. Брянцев, Ю.М. Гончаров, В.В.Верхотурова, Е.А. Зуева), в межэтнических взаимодействиях (Е.В. Карих, Е.П. Ковалешкина), в правосознании (Д.А. Глазунов) и пр. Историками, филологами, культурологами разрабатывается тема, связанная с бытовавшими стереотипами восприятия сибиряков, Сибири, формирования сибирской идентичности и феноменом сибирского патриотизма (А.В. Ремнев, В.М. Шиловский, А.В.Старцев, А.В. Сушко, Н.И. Родигина и др.).

Несколько особняком в сибирской историографии стоит работа В.П. Бойко, посвященная динамике обыденного сознания томичей XVIII-XIX вв. и открывшая, видимо, новое направление в исследовании сибирской ментальности¹. В публикации ученым ставится проблема изучения менталитета на основе выделения в нем ряда культурно-психологических типов (субкультур) и освещение процессов их формирования в динамике и взаимовлиянии. Такой подход отчасти разделяется диссертантом, рассматривающим ментальность как сложносоставное, неоднородное, но целостное явление, обладающее системой внутренних зависимостей и противопоставлений.

В целом можно сказать, что тема сибирской ментальности, в частности ментальности сибирских горожан, находится в первичной стадии разработки – стадии накопления материала, выработки исследовательских подходов, выявления массива репрезентативных источников, первичных наблюдений и обобщений. Проблема диссертации – ментальность жителей больших сибирских городов в период капиталистической модернизации конца XIX – начала XX в. – представляет собой один из малоизученных вопросов сибиреведения.

¹ Бойко В.П. Эволюция обыденного сознания населения г. Томска в конце XVIII – начале XIX в. (к постановке проблемы) // Судьба регионального центра в России (к 400-летию г. Томска): Труды Томского государственного университета. Т. 267. Сер. Историческая. Томск, 2005. С. 64-69.

Историографическая база диссертации не ограничивалась только трудами, в которых непосредственно рассматривались черты регионального менталитета, но включила обширный круг исследований, затрагивающих разнообразные аспекты жизни Сибири конца XIX – начала XX в.: работы по демографии, социальной, экономической, общественно-политической истории, наработки краеведов, сибирской урбанистики (Г.Х. Рабинович, Л.М. Горюшкин, В.А. Скубневский, А.П. Толочко, Н.М. Дмитриенко, Д.А.Алисов и др.). Информативная составляющая публикаций, выводы ученых, переосмысленные в ключе анализа предмета исследования, поверенные и дополненные данными источников, послужили основанием для изучения исторического контекста анализируемой ментальности, жизненного мира сибирских горожан, социокультурных характеристик городского социума Сибири рассматриваемого времени.

Источники. В соответствии с целями исследования, формировался корпус источников, отвечающий требованиям репрезентативности. В него вошли: документы, отражающие ментальность представителей различных социокультурных групп сибирского социума, приверженцев консервативных и прогрессистских ценностей; серийные источники, обосновывающие социальный характер ментальных проявлений; материалы, запечатлевшие объективный и субъективные планы выражения ментальности – план поведения и план оценочных суждений. Данный корпус включает письменные опубликованные источники и архивные материалы из Омского, Томского областных архивов, Центра хранения архивного фонда Алтайского края, собраний Гербария и Музея истории Томского государственного университета, Томского областного краеведческого музея, двух личных архивов (Э.С. Залеской, В.В. Бесходарного), а также изобразительные и вещественные источники из фондов Томского областного краеведческого музея.

Письменные источники, составляющие основной массив исследованных документов, типологически распределяются по нескольким группам.

1. *Законодательные источники* служили для анализа заданных государством условий социально-правового бытия и градаций статусов в сибирском городе: доминирование государственной власти над общественными структурами; главенство православия над другими конфессиями; служебные преимущества в Сибири приезжих чиновников; привилегии дворянства и пр. Нормы российского права, содержавшие религиозно-нравственную риторику, использовались для исследования консервативных мировоззренческих установок отечественного менталитета.

2. *Делопроизводственные источники* из фондов городских управ и городских дум Омска и Томска, Томского городского полицейского управления, документация о деятельности Томского педагогического общества, Барнаульской городской думы и др. зафиксировали установки коллективной ментальности, отраженные в логике выработки решений, в аргументации оппонентов и ходатаев, содержат материал, характеризующий черты городской повседневности, общественных устремлений сибиряков, их установки в сфере социальной коммуникации.

3. *Статистические и справочные материалы* (данные Первой всероссийской всеобщей переписи 1897 г., выпусков «Городов России» за 1904 и 1910 гг., городоведческие издания, выходившие в Сибири на рубеже XIX – XX вв. и пр.) использовались для изучения социокультурных характеристик сибирского городского общества, его структуры, некоторых особенностей массового поведения горожан и их жизненного мира. Справочником иного рода послужил для диссертанта «Толковый словарь» В.И. Даля, раскрывающий круг смысловых значений, связанных некогда с тем или иным понятием, благодаря чему подбираются ключи к пониманию кодов отечественного менталитета.

4. Выбранные для исследования произведения, имевшие общественно-политическое, *публицистическое значение* (Г.Н.Потанина, П.М. Головачева, Г.Д. Гребенщикова и др.), в которых образованные сибиряки, ориентированные на социальный прогресс, анализировали различные стороны жизни Сибири, позволили увидеть российскую окраину глазами ее просвещенных жителей, а также оценить их ментальный инструментарий. Анализ нелегальных произведений революционной печати, которые можно рассматривать как специфический жанр публицистики, важен для понимания особенностей картины мира, описанной под углом зрения классовой вражды, что является особенно важным в связи с развивавшейся тенденцией радикализации российского общества накануне 1917 г.

5. Первенствующее источниковедческое значение в исследовании приобрели *сибирские газеты* конца XIX – начала XX в. – серийные источники, обладавшие комплексностью, разносторонностью в отражении реалий сибирской городской жизни, выражавшие установки последователей различных идеологий и в некоторой мере фиксирующие ментальные проявления в различных городских стратах. Для работы были использованы периодические издания консервативного направления (томские и омские «Епархиальные ведомости», «Сибирская Правда» и др.), умеренно-либерального («Голос Томска») и прогрессистского спектра воззрений («Сибирская жизнь» и «Сибирский вестник», «Омский вестник», «Омский телеграф», «Жизнь Алтая», «Алтайская газета» и др.).

6. Такие источники личного происхождения как *письма, дневники* (в том числе из личных фондов Г.Е. Катанаева, Гуляевых, Е.П. Клевакина и др.) в контексте исследования особенно ценны обращенностью к сфере частной жизни, к внутреннему миру их создателей, к ситуациям межличностного общения. В них социальные, нравственные долженствования обнаруживали свою интериоризацию, существование в стихии неформального семейного, дружеского общения.

7. *Мемуары* также имели познавательное значение для предпринятого исследования, несмотря на существенные оговорки, связанные с природой этого типа источников. Особая ценность некоторых записок заключается в том, что они воспроизводят, хотя с искажениями, свидетельства ментальности и жизненного мира «простецов» рассматриваемого времени – с их надеждами, устремлениями, существенными приметами жизненного мира, социальными привычками, некогда свойственными их социальному окружению.

Источниковая база представляется диссертанту, хотя не исчерпывающе полной (таковая потенциально вбирает все сибирские исторические источники исследуемого времени), но достаточно репрезентативной по количеству и составу входящих в нее материалов для разрешения поставленных исследовательских задач.

Научная новизна диссертации заключается в том, что в ней впервые анализируется как некая системная целостность – сибирская городская ментальность в нестабильный период модернизационных трансформаций конца XIX – начала XX в. Ряд использованных источников впервые вводится в научный оборот или используется для изучения ментальности.

Практическая значимость работы. Материалы диссертации могут найти применение в научных разработках проблем, касающихся изучения субъективного. социокультурных факторов в историческом развитии, использоваться при подготовке обобщающих трудов по истории Сибири, российской и сибирской урбанистике; при разработке учебных курсов, спецкурсов по истории Сибири конца XIX – начала XX в., краеведению, в научно-популярных публикациях, в музейной деятельности.

Апробация работы. Основные положения диссертационной работы были подставлены в выступлениях на четырех Всероссийских конференциях (Томск, 2005, Красноярск, 2005, Рубцовск, 2005 и 2006 гг.) и отражены в научных публикациях. По теме опубликовано девять работ, в том числе вышли две статьи в научном журнале, рецензируемом ВАК («Вестник Томского государственного университета»). Диссертация обсуждалась на кафедре истории и документоведения исторического факультета Томского государственного университета.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы и двух приложений. Приложение *А* демонстрирует методiku работы с содержанием серийных источников – составление базы данных на основе ключевых понятий анализа. Приложение *Б* представляет собой протокол осуществленного сравнительного контент-анализа двух сибирских газет противоположной политической направленности, выявляющего имеющиеся между ними сходство и различия в некоторых значимых для понимания ментальности когнитивных установках.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обосновывается актуальность темы, определяются ее хронологические и территориальные рамки, объект и предмет исследования, понятие ментальности, устанавливаются цели и задачи работы, дается историографический обзор литературы и характеристика источников.

Первая глава «Изменения жизненного мира западносибирских горожан после сооружения Сибирской железной дороги. Категории материального достатка и способов его достижения в сибирской городской ментальности конца XIX – начала XX в.» состоит из трех разделов.

1.1. *Западносибирская городская повседневность в свете изменения жизненного мира горожан конца XIX – начала XX в.* В разделе прослежен ряд трансформаций, происходивших в рассматриваемое время в материальной и социальной сферах сибирских городов, сказывавшихся на образе жизни горожан и их душевном самочувствии: быстрота перемен и ускорение темпа жизни; расширение возможностей для заработков и рост конкуренции на рынке труда, в предпринимательстве; рост потребительских соблазнов и вздорожание жизни; углубление контраста между богатыми центральными районами и бедными окраинами; увеличение численности интеллигенции, способствовавший оживлению культурной и общественной жизни, и рост численности маргинальных элементов, понижавших состояние городской культуры; умножение социальных контактов, увеличивавших не только возможности общения, но и анонимность городской среды; развитие тенденций индивидуализации в обществе и его массовизации и т.д. Пестрота узора стратификации городского социума, усугублявшейся полиэтничностью населения сибирских городов, определяла многовариантность идентификации по признаку *свой / чужой*. Привычный жизненный уклад горожан отступал перед потребностями развивающегося капитализма, порождая как энтузиазм жаждущих прогресса и культуры для рос-

сийской окраины, так и опасения, вызванные новыми веяниями. Переменчивые и нервирующие в своей неустойчивости характеристики городского общества проверяли на прочность старые установки коллективного сознания, способствовали распространению новых.

1.2. *Бедность и богатство в коллективной ментальности.* Во втором разделе выясняется неоднозначное отношение современников к данным феноменам и их носителям в системе нравственных координат сибирских горожан и в контексте социальной реальности сибирского города. Бедность воспринималась как личное бедствие и социальное зло, а бедняки – как нуждающиеся в помощи общества и более состоятельных людей. Помогать беднякам считалось нравственным долгом. Но бедняк с протянутой рукой балансировал в глазах сограждан на грани сострадания и презрения: считалось недостойным просить милостыню, вместо того, чтобы зарабатывать своим трудом «на хлеб», и сама ситуация зависимости от милостей чужого человека воспринималась как унижительная, связывалась с представлением об утрате достоинства. Отношение горожан к беднякам колебалось между сочувствием к чужим несчастьям и высокомерием перед «слабыми», между осуждением порочной нищеты и уважением к трудящимся нестяжателям.

В противоположность бедности богатство страны, края, зажиточность населения в целом представлялись как безусловное благо. Повседневное поведение горожан демонстрировало их стремление к индивидуальному и семейному материальному благополучию. Но оценка индивидуального материального благополучия в коллективной ментальности выглядела неоднозначно. На шкале *морально / аморально* богатство измерялось по двум основным позициям. Первая – служит ли оно во благо многих или только избранных, насколько альтруистичны его обладатели: владельцы индивидуальных состояний должны были делиться своими средствами с нуждающимися. Вторая – способ достижения благосостояния. Оценка нравственных качеств самого человека во многом зависела от того, добивался он материального благополучия честным трудом или путем легкой наживы.

1.3. *Труд и легкая нажива в системе ментальных установок.* В разделе раскрывается содержание этих понятий, их противопоставление друг другу. Труд воспринимался не только как повседневная необходимость, но как обязанность религиозно-нравственная, а для общественно настроенных образованных людей – и как нравственно-гражданский долг. В части общества получило распространение настроение, которое можно назвать *лаборофилией*, имея в виду почитание труда как общественного явления. Оно перекликалось с традици-

онными христианскими морально-этическими нормами и с социалистическими идеями.

В основе понятия труд находилось представление о его тяжести. Наиболее густой его консистенцией являлся труд физический, благодаря чему в некоторых социальных контекстах умственный труд оказывался на периферии или за рамками понятия труда. Одним из самых благородных признавался труд... земледельца: сибирская городская ментальность таила в себе черту аграрного менталитета, поддерживая в общественном сознании традиции России как земледельческой страны. Развитие фабрично-заводской промышленности сибирским «образованным обществом» считалось залогом развития края, его движения по пути прогресса. Но поэтизации фабричного труда не происходило, во всяком случае, отечественного. Причиной тому были условия фабричного производства, загрязнение предприятиями окружающей среды, долгий рабочий день и вообще условия жизни рабочих, в том числе и не вполне нравственная атмосфера заводских поселков.

Оттеняли сущность понятия труд его антиподы. На шкале добродетелей труд имел антагонистами порок (например, проституцию) и легкую наживу. Понятие нажива соотносилась с кражей (в главе разбирается отношение в сибирском городском обществе к присвоению чужого имущества) и с предпринимательством, прежде всего с коммерцией. Для горожан из простонародной среды торговля представлялась привлекательным занятием. В «образованном обществе» развитие торговли и промышленности признавалось неременным условием процветания Сибири. Но отношение к торгующим и их капиталам не было однозначным. Занятия торговлей связывались в повседневных представлениях с обманом. Коммерция нередко соседствовала с грехом и пороком, обслуживая низменные человеческие страсти, а эгоистичная коммерческая выгода воспринималась как противоположность благородного альтруистичного бескорыстия.

Предприниматели в ответ стремились к моральной реабилитации. Некоторые пытались представить себя в качестве тружеников, отвести обвинения в эксплуатации чужого труда, в чрезмерной прибыли или старались искупить нажитое богатство благотворительностью. Еще один способ – забота предпринимателей о тех, чьим трудом составлено их благосостояние. Идущим по этому пути светил идеал культурного предпринимателя, пестовавшийся в среде «образованного общества». Такое предпринимательство, мечтали современники, было бы избавлено от эгоистичных стремлений безудержной эксплуатации природных богатств Сибири и ее населения. Напитанное энергией и современными научными знаниями, оно способствовало бы развитию и процветанию

края.

С предыдущими ментальными противопоставлениями была связана еще одна антитеза – *материальное* и *идеальное*. Материальное, ядро которого составляла нажива, имела своим противником идеализм, под которым понимали следование идеалам, созвучным совести, альтруизму и жизни духа. Антагонизм между материальным и идеальным мог принимать разные обличья: как поединок между эгоистичными интересами отдельных личностей и благом многих; как конфликт своекорыстной выгоды и бескорыстного общественного служения. Взвешивание на весах нравственности материального и идеального с предпочтением в пользу второго было свойственно традиционному христианскому мировоззрению. Чувствительной к противостоянию материального и идеального была также система ценностей интеллигенции, наполнявшей идеальное светским содержанием.

Таким образом, коллективная ментальность лелеяла образец достойного, нравственного существования – честного, трудового, без стремления нажиться за чужой счет, выше унижительной бедности и, насколько возможно, независимого в своем самостоятельном хозяйствовании. В жизни должны были содержаться интересы, дела, переживания, которые поднимались бы над уровнем обыденности, пронизанной материальными расчетами, и были связаны с бескорыстными действиями – помощью нуждающимся, служением общественному делу, просвещению, торжеству нравственных и иных нематериальных ценностей. Идеалом развития Сибири для городского образованного общества, которое задумывалось над этим, являлось гармоничное экономическое развитие края на основе новейших достижений науки и техники, но без нравственных издержек, сопряженных со стремлением к наживе, и пауперизации населения.

В системе ментальных представлений горожан о материальном обнаруживались элементы, входившие в противоречие с существовавшей реальностью: между высоким нравственным престижем труда и низким статусом тружеников в социальной иерархии; между нравственным осуждением нечестности и наживы и эффективностью достижения благосостояния именно этим путем; между идеалом экономической независимости хозяина, живущего собственным трудом, и постепенной пролетаризацией населения, вызванной индустриальным развитием; между невысоким моральным статусом материального и его главенством в повседневности. В этот разлом между идеалами и реальностью для его преодоления устремилась энергия современников, чувствительных к нравственным понятиям.

Вторая глава «Ментальность и сфера социального взаимодействия: социальные «разломы» и социальная солидарность» посвящена рассмотрению

ряда установок, касающихся размежеванию по признакам *свой / чужой* и соперничеству статусов, преломляемому через понятие престижа. Глава состоит из двух разделов.

2.1. *Свои / чужие: общественная солидарность и групповое размежевание по признаку «общего корня».* В разделе рассматриваются традиции солидарности членов семейных, земляческих, этно-конфессиональных групп, феномен регионального патриотизма, позитивные и негативные установки в отношении к *инородцам / иноверцам*, а также различия в характере веры горожан и проявления церковно-религиозного кризиса, влиявшие на деконсолидацию православного населения.

Отношения к другим по *крови и вере* в православной среде западносибирских горожан в значительной степени коррелировали с общим уровнем поведенческой культуры отдельных индивидов и социальных страт, а также зависели от внутри- и внешнеполитической конъюнктуры: Первая русская революция обострила еврейский и польский «вопросы», ставшие своеобразными индикаторами принадлежности общественного деятеля или обывателя к «прогрессивному» или «черносотенному» лагерю; Первая мировая война изменила положительный в целом стереотип немца на отрицательный. Диапазон оценок инородного на бытовом и идеологическом уровнях простирался от крайне негативного до различных градаций положительного. Можно отметить устойчивость толерантности в отношении к чужеродному в сибирских условиях. На бытовом уровне уничтожению инородного (на почве великорусского шовинизма или экономической конкуренции) противостоял прагматизм сосуществования в полиэтнической среде сибирских городов, представления о человеколюбии и культуре.

Для православного большинства сибирских городов, как и для «инородцев», конфессиональная принадлежность обладала идентификационной функцией, особенно «навязчивой» в транскрипции традиционализма. Вера делала человека сопричастным проявлениям национальной жизни, актуализируя его «русскость», степень религиозности человека играла роль своеобразного индикатора нравственности личности, приверженности «родным» обычаям. Вместе с ослаблением авторитета православной церкви, переживавшей системный кризис, наблюдалось ослабление ее роли как национальной, надсословной и надклассовой скрепы. Находившаяся в сердцевине традиционных установок менталитета, церковно-религиозная жизнь оказалась в эпицентре ментального раскола в обществе: между образованными и простецами, между различными политико-идеологическими течениями, между приверженцами прогресса и традиционалистами.

Вместе с тем, христианская мораль, религиозная мотивировка поступков, хотя и подвергались эрозии вместе со старыми традициями, оставались жизнеспособными. В коллективной ментальности сохранялись в актуализующимся виде выпестованные христианством духовно-нравственные ценности и специфический взгляд на мир через призму праведности и греха, главенства нравственных предписаний, духовного (идейного) перед низкой прагматикой, тяготеющей к материальному. Многие современники, даже разочарованные в современной им церковно-религиозной жизни, не покидали окончательно привычного поля веры, тосковали по утраченному, подчас мучительно искали пути к обретению новых верований. Потребность в некоем социально-нравственном идеале, окруженном ореолом святости, дающим смысл жизни, надежду, видение перспективы, оставалась насущной для современников.

2.2 Ментальность и социальные статусы: соревнование престижей. В разделе рассматриваются установки, связанные с представлениями о престиже, отражающем социальные ориентиры сибирских горожан и аспекты взаимоотношений референтных групп сибирского городского общества.

Происходившие трансформации в социокультурной сфере, переходный характер эпохи отзывались в ментальности одновременным существованием старых сибирских городских престижей (дворянства, чиновничества и соперничавшего с ним купечества) и нового («культурного человека»). Если старые престижи коренились в рудиментах и привычках сословности, то новый жидился на таких модернизационных ценностях как культура и прогресс. Многозначное содержание, которые современники вкладывали в понятие «культурного человека», позволяло противопоставлять интеллигенцию как «невежественному народу», так и носителям «ложной культуры», которые восприняли только внешние атрибуты культуры, отринув такое ее качество как гуманность.

Гуманистически настроенный «культурный человек» немало потрудился для возведения постаментов престижа *трудящегося*. Признаваемый издавна христианством высокий моральный статус «малых сих», влачащих свои жизни в юдоли бедности и труда, стал превращаться в ментальный инструмент общественных преобразований, требовавший улучшения социального положения трудящихся классов, уважения их прав. Понятие трудящиеся также было перенесено в картину мира, написанную в парадигме классового общества, в котором труженики, бедняки противопоставляются обеспеченным, эксплуататорским классам населения. В леворадикальной транскрипции это был мир классовой ненависти и вражды.

Итак, сложная социальная структура сибирского города конца XIX – XX в. в ментальной сфере выражалась множественностью признаков идентифика-

ции по критерию *свой / чужой*. Урбанизационные и модернизационные процессы отзывались в ментальности формированием новых признаков *размежевания / консолидации*, сосуществовавшими со старыми. Такой симбиоз можно счесть признаком переходного общества. Одним из критериев деления, властно заявившем о себе в сибирском городском обществе рассматриваемого времени, являлись мировоззренческие отличия, формировавшие специфические субкультуры, различавшиеся картинами мира: прежде всего религиозные и светские, умеренные и радикальные, консервативные и прогрессистские.

Третья глава. *Идеальные модели социальных отношений и установки в сфере межличностных взаимодействий в ментальности западносибирских горожан конца XIX – начала XX в.* В последней главе анализируются установки сибирских горожан, призванные противостоять дробности городского социума и соотносящиеся с идеальным образом социальных и межличностных взаимоотношений – образом семьи.

Модель семейно-общественных отношений существовала в двух вариантах: авторитарной отцовской и равноправной братской. Идеальные модели семейных взаимоотношений с соответствующим распределением ролей действующих в них персонажей коррелировали с поведенческими установками сибирских горожан и их самоидентификацией: взаимоотношения отцов и детей в модели семьи соотносились с бытовавшими в реальности взаимоотношениями социально «старших» и социально «младших».

Архетип отца патриархальной семьи инспирировал представления, связанные с образами власти. В социальной реальности сибирского городского социума образ отца-носителя власти – авторитарного, но любящего – способен был дробиться на типажи строгого и гуманного начальников (хозяев), различавшихся стилями обращения с социально «младшими». В контексте этики «культурного человека» с ее требованием гуманности эти типы противопоставлялись друг другу. Противником «отцовской» строгости была не только гуманность, но и феномен чувства собственного достоинства, который обнаруживал притязания социально «младших» на повышение своего статуса. Чувство собственного достоинства оказалось в центре развивавшегося противопоставления друг другу отцовской и братской моделей социальных и межличностных взаимоотношений.

В главе рассматриваются также реализовывавшиеся в среде сибирских горожан поведенческие и когнитивные установки, связанные с братским идеалом общественных и межличностных взаимоотношений: общительность, сострадание, явление заступничества, способность членов общества к самоорга-

низации и социальной солидарности. Анализ выявил сосуществование коллективистских установок и противоположных им индивидуалистических.

Идеал братских отношений обнаруживал тенденцию к своей популяризации, был связан с демократическими настроениями части общества и понятием общественности, воспринимавшимся как принцип самоорганизации и организации в общественной и общественно-политической сфере. Традиционному образу иерархического социума с авторитарной властью «старших» стал противопоставляться образ демократического, братского равенства. В центре этой перекодировки ментальностей находились требования «младших» членов семьи-социума уважения их человеческого достоинства вне зависимости от социального статуса и понятие общественности. Консолидирующие «семейные» модели стали противопоставляться друг другу и служить орудием нового размежевания общества по признаку *свой / чужой* на основе вариантности картин мира. Ментальный идеал всеобщего братства, в радикальном своем виде, выворачивался изнанкой классовой борьбы.

В заключении подводятся итоги исследованию и делаются обобщения по нескольким структурным срезам западносибирской городской ментальности. Выделен ряд наиболее значимых компонентов, представлявших собой дуальные оппозиции, как правило, с противоположными знаками на шкале нравственных и обыденных оценок: *идеальное / материальное; частное / общественное; бедность / богатство; труд / легкая нажива; социально младшие / старшие; общество / власть (бюрократия); культура / невежество и антигуманность; уничтожение / чувство собственного достоинства; разъединение / единство; темное сегодня / светлое завтра* и т.д. Эти бинарные оппозиции во многом определяли особенности и содержание данной ментальности, составляя сетку ее ценностных координат.

Выделенная как предмет анализа в качестве некой целостности история ментальности населения больших городов Западной Сибири конца XIX – начала XX в. имела сложную структуру. Ее строение можно представить в виде сферы, разделенной на ряд взаимопроникающих и пересекающихся дуальных сегментов, которые можно обозначить следующим образом: *идеальное / обыденное (реализуемое); консервативное / модернизаторское; радикальное / умеренное; простонародное / интеллигентское* (границы сегментов были размыты и представляли собой область взаимовлияний, компромиссов, переходов).

Идеальное / реализуемое – эти сегменты ментальности находились между собой в постоянном оппонировании. То, что наделялось позитивным смыслом в идеологизированной сфере, имело своего негативного двойника в социальной повседневности с ее привычными устремлениями к материальному благополу-

чию и своекорыстными интересами. Спор велся с переменным успехом, житейский сегмент то отступал под натиском идеологизированного сектора, опиравшегося на поддержку Закона, Церкви, общественного мнения, традиций, то с успехом отражал его покушения. С другой стороны, изменения в жизненном мире сибирских горожан, новые проблемы в городской повседневности и обострение старых, заставляли идеологизированные сегменты отвечать на эти вызовы актуализацией соответствующих моменту долженствований и целеполаганий.

В отечественной традиции коренился способ разрешения конфликта между идеальным и реализуемым (между должным и сущим), который заключался в довольно прагматичном разделении, явном или имплицитном, жизненного мира на сферы мирского и сакрального, греховного и праведного, отличавшиеся различной долей требовательности в исполнении моральных долженствований. Широко использовались своеобразные механизмы очищения через искупление грехов и покаяние, и, конечно, существовала вера в бесконечную любовь и милосердие Небесного Отца к земным чадам. К началу XX в. модернизаторской частью сибирского общества такой способ разрешения коллизии между должным и сущим расценивался как ханжество и лицемерие. Интеллигенцией предлагался путь исправления мира на основании нравственности и целесообразности. При этом имелся в виду обновленный свод долженствований. Выпестованная православием этика, вошедшая в союз с рационализмом и другими светскими проевропейскими компонентами культуры, не только делила проявления жизненного мира на правильные и неправильные, но и настойчиво требовала исправления неправильного, претендуя на возможно большее свое присутствие в повседневности. Этот пафос был пафосом взыскания перемен, переделки неправильной жизни по правильному образцу. И хотя это являлось лишь обозначением вектора, далекого еще до массового воплощения, но чувствительно влияло на умы и настроения разрастававшихся рядов «прогрессивных» современников и их социальную практику.

С точки зрения изменчивости в ментальности многие исследователи выделяют структуры менее и более подвижные. В рассматриваемую эпоху социально-политических потрясений переоценка ценностей в наибольшей мере сказалась, разумеется, на сфере общественных взаимодействий. Новый взгляд настоятельно требовал пересмотра взаимоотношений «высших» и «низших», власти и общества, моральных и социальных престижей; на радикальных полюсах пестовались образы врагов, в массовое сознание постепенно входила социально-классовая парадигма. Происходили подвижки в структуре других ментальных установок, «отвечающих» за мировидение: укреплялось позитивное отно-

шение к техническому прогрессу, к образованию, науке, которые в начале исследуемого периода еще нередко оценивались в среде простецов как излишества («барские затеи»), и, напротив, религиозный сектор ментальности разъедала ржа скептицизма, индифферентности, отрицания.

Сохранявшие свою высокую жизнеспособность установки окружались новыми коннотациями. Так, идея человеческого братства оборачивалась альтернативой модели патриархальной семьи-социума и сопрягалась с понятием общности. Любовь к ближнему, сделав существенный крен из сферы межперсональных коммуникаций в социальную, переплавлялась в народолюбие, а последнее увеличивало ряды сторонников теории классовой борьбы, которая вычеркивала из числа бывших «ближних» целые социальные страты. Идеалы христианской скромности и смирения нашли нового противника в лице коммерческой «саморекламы», а идеал умеренности, возросший на почве почитания христианской аскезы, дал семена протеста против разнузданной роскоши нуворишей, попавшие в поток антибуржуазного социального обличительства. Представления о долге «высших» по отношению к «низшим», дополнились предписанием уважения достоинства последних. Представления о справедливости как об эквивалентном обмене, порождали спорный вопрос о самом эквиваленте: что ценнее – труд или капитал, физические усилия или знания. Личное обогащение сохраняло привкус греховности, которую требовалось искупить, но искупление также все более погружалось в купель социальности и, окропленное идеалами Культуры, порождало рядом с типом купца-благотворителя тип «культурного предпринимателя».

Если рассматривать проблему развития с точки зрения отношения к ней современников, то общество отчетливо делилось на два лагеря (хотя и не отличавшихся внутренней однородностью): прогрессистов, ратовавших за обновление жизни в стране, в крае; и консерваторов, испытывавших страх, сомнения в связи с переменами жизненного мира и ностальгирующими по утраченному. Подобное членение социума обнаруживает «состояние движения» в умонастроениях, затронувшее различные слои сибирского городского общества.

При оценке ментальности с точки зрения благоприятствования или торможения модернизационных процессов делается заключение, что роль локомотива ускоренного капиталистического развития играли установки, связанные с растущим в сибирском обществе статусом культуры: в целом положительное отношение к развитию торговли, путей сообщения, фабрично-заводской промышленности, сферы образования, в том числе технического, привычная оглядка на пример «ушедшей вперед Европы», энтузиазм по поводу ожидания чудес от технического прогресса, ожидание от всех аспектов развития культуры

общего благосостояния и благоденствия. Обыденная ориентация значительной части населения сибирских горожан на наживу – обогащение путем предпринимательства (хотя, главным образом, в сфере торговли), достаточно высокий социальный статус верхушки предпринимательского слоя, его престиж также в данном социально-историческом контексте, – все в известном смысле способствовало капиталистической перестройке, представляя собой питательный раствор для интенсивной рыночной деятельности и конкуренции.

Следует оговориться, что интеллигенция, носитель идеологии прогресса и в немалой мере – этического пуризма, подвизавшаяся в основном вне деловой сферы, «стеснялась» занятий коммерцией, нередко с подозрением и некоторым высокомерием относилась к частной предпринимательской деятельности. Носители рыночной идеологии, в определенном смысле более раскрепощенные в отношении нравственных строгостей, лишь в слабой степени были вовлечены в орбиту образования и ценностей элитарной культуры. Хотя разворачивалось встречное движение представителей «образованного общества» в деловую сферу и наоборот, но оставались существенные социокультурные и ментальные различия между данными стратами. В сфере идей и в сфере житейской все же обнаруживались альтернативы как невежественному грубому хищничеству, так и брезгливости в отношении «наживы». Выход из названного противоречия современники видели в становлении частного социально ответственного (более нравственного) «культурного предпринимательства», либо в предпринимательстве общественном, коллективном, в кооперации, следующей принципам Культуры и справедливости.

Процесс социальной модернизации сопровождался появлением наряду со старыми социальными статусами престижа новых – культурного человека и трудящегося. Последние, внеправовые, не закрепленные формально, по-иному расчерчивали карту общества, по-своему солидаризируя и противопоставляя социальные группировки. Эти интегрирующие статусы обладали способностью переступать через сословные и классовые перегородки, как бы знаменуя переход городских социумов Сибири к эпохе «общества масс». Названные интеграции не просто отмечали положение человека на шкале социальных выгод, но указывали, что правильно (праведно), а что нет. Не только межличностное, но и социальное как сфера сгущения морального – характерная черта рассматриваемой ментальности.

Общности, выступавшие под знаменами культурных людей и трудящихся, частично смешивались друг с другом. Работающая интеллигенция претендовала на звание трудящейся, а выходцы из среды простонародных тружеников пополняли ряды первой, составляли когорту «полуинтеллигентных тружени-

ков». Но существовала угроза их противопоставления друг другу – как следствие культурного раскола общества и не вполне модернизированной социальной сферы.

В общественно-политической сфере потребности модернизации также имели агентов в ментальности сибирского городского социума: происходило выдвигание на первый план демократического идеала братских общественных взаимоотношений, соотносимого с общественностью, товариществом и противопоставлявшегося полновластию «отцов»; нарастали коллективистские настроения в сибирском городском обществе, в разделении на *своих* и *чужих* все большее значение приобретали идеологические, партийные расхождения. Но имелись в ментальности установки противоположной направленности: с одной стороны, индивидуалистические устремления городских обывателей, уклонявшихся от участия в невыгодной общественной деятельности и сопротивлявшихся вторжению общественных установлений в зону своих частных интересов; с другой – привычка к сильной «отцовской» власти и ее опеке в общественной жизни, стремление учитывать в публичной деятельности весомость административного и экономического статусов; с третьей – наличие коммуникационных переборок, затруднявших взаимодействие между различными социальными стратами.

Коллективной ментальности в рассматриваемую эпоху было свойственно не только плавное течение, обусловленное значительной инерцией многих ментальных процессов, но бурные водовороты, возникшие во многом благодаря быстрым, резким изменениям условий существования, жизненного мира, его картины. Одним из существенных этапов в развитии ментальной сферы сибирского городского общества конца XIX – начала XX в. стало строительство Сибирской железной дороги, которое придало ускорение такого рода трансформациям, поставивших сибиряков в ситуацию необходимости обновления жизненных стратегий. Эпохальным этапом в развитии ментальной сферы можно назвать сопровождавшиеся чрезвычайным возбуждением общественных настроений события русско-японской войны и Первой русской революции. Они дали толчок значительными количественными и качественными сдвигам в ментальной сфере, в том числе перекодировке в системе ментальных установок. Это касалось идентификации по признаку *свой / чужой*, отношения к власти, между «высшими» и «низшими», отчасти – к церкви и усугублялось острым столкновением *старого* и *нового* (вплоть до физических стычек между их сторонниками).

С точки зрения скорости и «решительности» в достижении «правильного» выделяются области умеренных и радикальных воззрений (как традициона-

листских, так и модернизаторских). Гуманистический заряд либерального интеллигентского мирозерцания, сострадательность и «жалостливость» просто-народного, пресловутая народная терпеливость и добродушие составляли потенциал менее конфликтного способа разрешения социальных противоречий. С другой стороны, обострялись факторы, которые способствовали усилению радикальных настроений в обществе: сложности существования в переходный период, усугубившиеся к тому же несколькими войнами, социальная нестабильность при наличии культурного и социального раскола общества, значительно затруднявших общественный консенсус, «шатание в умах», нивелировавшее старые алгоритмы социального сосуществования, катастрофичное падение авторитета власти, переставшей в глазах многих соответствовать своим архетипичным функциям (забота и сила).

Через все структуры ментальности просматриваются зоны установок просто-народных «простецов» и «образованного общества». Ни первые, ни вторые не были однородны, распадаясь на массу субкультур, отличных друг от друга занятиями, образом жизни, характером социализации, степенью интенсивности «кросскультурных» контактов. Но существовало кардинальное отличие между «простецами» и представителями «образованного класса», которое заключалось в степени овладения книжной культурой, интеллектуализма. Это отличие являлось источником существования других расхождений: в степени европеизации; в уровне «заражения» идеологиями и идеями, в том числе модернизаторскими; в понимании разного рода долженствований; в мере приверженности традиционности.

Наряду со сходством многих фундаментальных когнитивных установок, воспитанных православием, проявлялись отличительные черты в системах ценностей «простецов» и «интеллигентов». Последние имели в своем ментальном арсенале почитание прогресса, культуры и гуманизма (включающего понятие уважения человеческого достоинства), пиетет перед наукой, предпочтение обществу перед единоначалием, культурного человека перед самовластным хозяином. Эти черты, отличавшиеся от более традиционалистской ментальности «простецов», придавали модернистскую окраску «интеллигентскому» мировоззрению. Последнее имело еще одну характерную особенность – народолюбие, возведенное в принцип, связанное со стереотипными представлениями о страданиях народа, устремлениями вывести его из страдательного положения и состояния невежества. Претензии на учительство в отношении народа сочетались со снисходительным высокомерием по отношению к «серой», невежественной народной массе. В данном контексте модернизаторами импли-

цитно поддерживались элементы архаичной идеальной модели патриархальной семьи-социума с ее распределением ролей «старших» и «младших».

Представителям «образованного общества», задававшим тон в общественной жизни, была свойственна большая степень связности между мировоззренческими и поведенческими установками или, во всяком случае, стремление к подобной когерентности в отличие от ментальности «простецов», более традиционалистской и прагматичной. Это стремление превращало когнитивные установки интеллигенции в инструменты преобразования действительности, ментальную опору модернизации, способствуя внедрению в жизнь достижений науки и техники, развитию в стране образования и общему подъему культуры, демократизации общественной жизни, становлению гражданского общества, воспитанию правосознания и т.п. Не все аспекты интеллигентского свода социально-нравственных долженствований были дружественны модернизации капиталистической с ее разгулом жажды наживы. Но благодаря ментальным установкам, пропитанным гуманистическим пафосом, возможно было отчасти сгладить некоторые болезненные для общества социальные последствия капиталистической индустриализации: защитить социально незащищенных и слабых, направить предпринимателей по пути социальной ответственности и социального партнерства, облегчить вхождение в модернизированное общество мелким самостоятельным хозяевам, способствовать смягчению нравов и гуманизации общественной атмосферы, создать противовес индивидуализации и атомизации общества. Таким образом, данная этика ратовала за развитие не только индустриального общества, но и, так сказать, за гуманный и народный капитализм, отчасти даже коллективный, имея в виду развивавшееся кооперативное предпринимательство, – в интересах большинства населения.

Обострение социальных проблем модернизируемого общества болезненно ранили современников, сказывались на их собственном жизненном благополучии, заставляли чутких к голосу совести страдать по поводу страждущих. При отсутствии взаимопонимания общества и власти, в модернизаторской области коллективной ментальности обнаруживались призывы к радикализации. Они усугублялись к тому же верой, опосредованной авторитетом науки, в необходимость кардинального социального переустройства общества, а также расхождением между претензиями «образованного общества» на учительство, его самосознанием как носителя истины и статусом «младших», забронированном для демократической интеллигенции в российском социуме. Напрашивается вывод, что содержащиеся в коллективной ментальности модернизационные установки могли повести общество как по пути просвещения, культуры, так и по пути революции.

Исследование выявило ряд специфических черт ментальности сибирских горожан конца XIX – начала XX в.

а) Особенности исследованной ментальности как элемента городской культуры:

– на первый план выходили установки в системе представлений *труд / легкая нажива, материальное / идеальное*, в отличие от крестьянского мира, в котором приоритет принадлежал установкам в системе *человеческая деятельность / природа*;

– в отличие от деревни с ее общиной и общественным контролем над односельчанами, в городе были ярче выражены индивидуалистические интенции;

– в городской ментальности, обладавшей компонентом интеллектуализма, элитарной культуры, заметное место занимали установки, связанные с ценностью знания, образования, большее значение приобретали идеологические влияния;

– сложное строение городского социального организма определяло наличие в городской ментальности неоднородной системы социальных ориентиров, установок, связанных с взаимодействием статусов. В условиях работы «социальных лифтов» и статусного соперничества у горожан обострялось чувство собственного достоинства;

– большой город являлся более сложной и открытой системой, поэтому городской ментальности были свойственны сравнительная подвижность структур и их относительная противоречивость.

б) Региональные особенности рассмотренной ментальности заключались в следующем:

– в сравнительно высокой степени индивидуализма сибиряка, его прагматичности, меньшая привычка к «общественности», готовности к альтруизму;

– в наличии особенностей в межличностном и межстатусном общении – то, что в одних контекстах рассматривалось как демократизм сибиряков, их чувство собственного достоинства, простота в общении, а в других – как грубость нравов, невежество, неумение вести себя в обществе;

– в наличии установок, связанных со своеобразной самоидентификацией местных жителей (сибиряк), с местным патриотизмом, в противопоставлении себя «наезжим» из Европейской России;

– в сравнительной открытости сибирского общества, способствовавшей адаптации в нем приезжих; включение в региональную идентичность не только местных уроженцев, но и старожилов.

г) Особенности ментальности с точки зрения специфики рассматривавшегося исторического отрезка времени заключались, прежде всего, в сравнитель-

но ускоренной динамике ментальных процессов, в перекодировке ментальности. При этом:

– региональные черты ментальности ослаблял рост численности приезжих, имевших отличия в ментальных установках и социальных привычках;

– наблюдалось усиление городских черт в коллективной ментальности: обострение противопоставлений *труд / нажива, идеальное / материальное*, утяжеление установок, связанных с ценностью образования, вознесение Культуры до культа, усиление идеологических влияний;

– происходила модернизационная трансформация мировоззренческой сферы: ослабление влияния традиционных ценностей и расширение влияния прогрессистских. Старые и новые ментальные структуры сосуществовали, порождая подчас симбиотические смешения, причудливые переходы из одного состояния в другое и / или контрастное противопоставление старого и нового, ставившее современников в ситуацию выбора. Данные качества можно определить как особенности ментальности переходного общества.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи в журналах, рецензируемых ВАК

1. Андреева, Е. А. «Новая историческая наука» Франции глазами французских историков [Текст] / Е. А. Андреева // Вест. Том. ун-та. Сер. История. Краеведение. Этнология. Археология. – 2003. – № 276. – С. 13–20 (1 п.л.).

2. Андреева, Е. А. Герои прошедшего времени в зеркале некролога [Текст] / Е. А. Андреева // Вест. Том. ун-та. Сер. История. Краеведение. Этнология. Археология. – 2004. – № 281. – С. 200–206 (0,88 п.л.).

Прочие публикации

1. Андреева, Е. А. Праздник в Томске // Традиционная культура в Томской области [Текст] / Е. А. Андреева, М. А. Слюсаренко ; под ред. Н. Н. Бодюл. – Томск, 2004. – Т. 1 : Городская культура и праздники. – С. 8–101 (1,63 п.л. / 3,03 п.л.).

2. Андреева, Е. А. Черты домашней жизни томичей начала XX в. (по материалам объявлений в газете «Сибирская жизнь» в 1911 г.) [Текст] / Е. А. Андреева // Тр. Том. обл. краеведческого музея / отв. ред. Я. А. Яковлев. – Томск, 2004. – Т. 13. – С. 185–188 (0,23 п.л.).

3. Андреева, Е. А. Некоторые социально-культурные аспекты структурирования пространства в жизни сибирского горожанина конца XIX – начала XX в. (на примере Томска) [Текст] / Е. А. Андреева // Человек и мир человека : сб.

материалов всерос. науч. конфер. / отв. ред. О. В. Боровкова. – Рубцовск, 2005. – Вып. 2, ч. 2. – С. 6–13 (0,42 п.л.).

4. Андреева, Е. А. О понятии ментальности / менталитета в современной России [Текст] / Е. А. Андреева // Сибирский субэтнос: культура, традиции, ментальность : материалы 2-й Всерос. научно–практической Интернет–конфер. на сайте sib–subethnos.narod.ru. с 15 января по 1 ноября 2005 года / отв. ред. Н. И. Дроздов. – Красноярск : Краснояр. гос. пед. ун-т, 2006. – Вып. 2, кн. 1. – С. 22–32 (0,6 п.л.).

5. Андреева, Е. А. Проблема ментальности сибирских горожан конца XIX – начала XX в. и исторические источники [Текст] / Е. А. Андреева // Документ в парадигме междисциплинарного подхода : материалы Второй Всерос. научно-практической конфер. / под ред. О. А. Харусь – Томск, 2006. – С. 259–262 (0,24 п.л.).

6. Андреева, Е. А. Труд в ментальности сибирских горожан конца XIX – начала XX в. [Текст] / Е. А. Андреева // Человек и мир человека: сб. материалов всерос. научной конфер. / отв. ред. О. В. Боровкова [и др.]. – Рубцовск, 2006. – Вып. 3, ч. 1. – С. 6–13 (0,42 п.л.).

7. Андреева, Е. А. Томская повседневность во временном аспекте : конец XIX – начало XX в. [Текст] / Е. А. Андреева // Тр. Том. обл. краеведческого музея : сб. ст. / отв. ред. В. П. Зиновьев. – Томск, 2007. – Т. 14. – С. 114–131 (1 п.л.).